

СТЫД В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

И.В. Бардыкова

канд. филос. наук, доцент НИУ «БелГУ», г. Белгород

Для русских мыслителей очевидностью было могущество нравственной реальности. Интеллигенция конца XIX – начала XX века разделяла онтологические предпосылки нравственного сознания. Фундаментальную этическую разработку понятий «страх», «стыд», «совесть» мы обнаруживаем в работе В.Соловьева «Оправдание добра», причем именно с понятия «стыд» начинается построение этической концепции русского философа. Со стыда, по мнению Соловьева, начинается собственно человек, поэтому эта тема оказывается в центре внимания религиозно-философской мысли рубежа XIX–XX веков.

Согласно ветхозаветной традиции земная жизнь человечества началась после грехопадения перволюдей – Адама и Евы. Чистые и невинные, не знающие стыда, они, вкусив плодов от Древа познания добра и зла и тем нарушив заповедь Божью, совершили грех и устыдились: «узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт 3:7). Вместе со стыдом рождается и страх. «Голос Твой услышал в раю и убоился» (Быт 3:10), – сказал Адам Богу, воззвавшему к нему после нарушения запрета. Страх и стыд имеют непосредственное отношение к греху. Первый признак грехопадения, как утверждает христианское богословие, – ощущение стыда. Греховный поступок изменил людей: Адам и Ева обрели человеческий взгляд на себя и друг друга – «узнали они, что наги».

С грехопадением связано отпадение человека от Бога: Бог становится для него Ты, именно после грехопадения Бог впервые обращается к человеку на ты, человек перестал жить в Боге и Богом. И это проявляется в ситуации стыда, последовавшей за грехопадением: «Адам, доселе в сердце своем слышавший Божий голос, теперь воспринимает его как нечто *идущее снаружи*»¹.

С понятия стыд начинается построение этической концепции Вл.Соловьева. По мнению Вл.Соловьева, грехопадение привело и к возникновению нравственности и богооставленности (страдания): «В момент грехопадения *в глубине человеческой души* раздается высший голос, спрашивающий: где ты? Где твоё нравственное достоинство? Человек, владыка природы и образ Божий, существуешь ли ты еще?»². С помощью стыда человек не только выделяется из животного мира, но и сам себя отделяет от своей собственной материальной природы, т.е. стыд – это акт самосознания, поскольку стыдящийся отделяется от того, чего он стыдится. После грехопадения в глубине человеческой души раздаётся голос Бога, и человек, услышавший этот голос, тем самым демонстрирует, что он убоился обнаружения своей низшей природы, и, следовательно, существует не только физически, но и нравственно, то есть как человек.

¹ Кураев А. Грехопадение // Человек. 1994. №1. С.15.

² Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения.: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т.1 – С.124.

Таким образом, происходит как бы двойное отделение: стыд есть ощущение чужого взгляда именно как чужого, чужака (двое, бывшие одной плотью, расторгаются) и как Другого (Бог становится для человека Ты).

Вопрос Бога – это вызов человеку, ответ на который – стыд, по мнению Соловьева, есть онтологическое начало человека. Я стыжусь, следовательно существую. Я стыжусь своей животности, следовательно, существую как человек, нравственно. Стыд никак не связан с материальной пользой для индивида, в нем заявляет о себе духовное начало. Но это только напоминание о духе – прямого, реального действия, в отличие от страдания, стыд не имеет, а потому от самого человека зависит, воспользоваться духом или нет.

По Соловьеву, один лишь стыд не делает человека нравственным, если он не дополняется чувствами жалости и благоговения. Жалость – способность ощущать чужое страдание, «реагировать на него более или менее болезненно». Благоговение – это чувство преклонения перед высшим, составляющее нравственную основу религиозного порядка жизни. «Чувство религиозной преданности есть в высшей степени сложное, так как оно состоит из любви, из полного подчинения чему-то высшему и таинственному, из сильного чувства зависимости, страха, почтения, благодарности за прошедшие и упования на будущие блага и, может быть, еще из других элементов. Никакое существо не могло бы испытывать такого сложного душевного возбуждения, пока его умственные и нравственные способности не достигли сравнительно высокого уровня». Все остальные добродетели являются лишь видоизменением этих основных чувств или результатами их взаимодействия.

Таким образом, стыд, по мнению Соловьева, – не просто аффект, а более сложное явление, которое можно объяснить с помощью переживаний страха, скорби, совести или их сочетания. Он проявляется в виде страха перед возможным нарушением нравственной нормы, или скорби по поводу свершившегося нарушения нравственной нормы.

Стыд существует в разных формах – от наиболее конкретно-чувственной до прошедшей через отвлеченное сознание. Он также выделяет отдельно половой стыд, следуя в этом за христианской интерпретацией Ветхого Завета. Он называет причину полового стыда «материальной природой», но это – не природа как таковая, не природа вне человека, а «животный инстинкт родового самосохранения», своя собственная для человека материальная природа, то, что называется ветхозаветным понятием «плоть». Плоть – родовое начало человека, направленное на воспроизводство поколений, поочередно вытесняющих друг друга, главный участник замкнутого круга вечной смерти и вечного рождения человека. Н.Ф. Федоров, чьи идеи оказали существенное влияние на формирование нравственной философии В.С. Соловьева, в связи с этим писал: «Существенною, отличительною чертою человека являются два чувства – чувство смертности и стыд рождения... Если эти два чувства не убили человека мгновенно, то лишь потому, что он, вероятно, узнавал их постепенно»¹.

¹ Федоров Н.Ф. Философия общего дела. <Отрывки> // Русский космизм: антология философской мысли. – М., 1993. С. 72-73.

Природа – это бесконечный процесс вымещения прежних поколений, закон «вечной смерти», который действует против принципа человеческой солидарности. Н. Федоров указывал, что участие в жизни потомков за счет жизни предков – это наша вина, хотя и невольная, которая смутно чувствуется нами в половом стыде. Стыду в половой любви, будучи, по мнению Соловьева, положительной стороной полового стыда, противостоит влюбленность, увековечивающая не род в целом, а отдельное «лицо». Стыд удерживает от поглощения родом, половой жизнью, которая безразлична, не замечает индивидуальности. Жизнь рода (половая жизнь) есть увековечивание частичного человека – и как «половины» (в форме пола человека), и как одного только «колена» (как представителя поколения). Стыд, таким образом, – указание на целостность человека, восстанавливающего свою целостность в целомудренной любви к другому полу. Целостность человека поддерживается «центростремительными силами» – стыдом, любовью, жалостью. А когда к природному дроблению по полам и поколениям добавляется и социальное дробление, а плотский инстинкт видоизменяется в эгоизм, тогда этому видоизменению дробления противостоит видоизменение стыда в совесть, которая является «социальным стыдом»¹.

Для В.В. Розанова, в отличие от В. Соловьева, пол не должен порицаться: «Связь пола с Богом – большая, чем связь ума с богом, даже чем связь совести с Богом»². Розанов сознательно солидаризировался с иудейской традицией, отмечая в ней трепетное отношение к плотскому, родовому. Русского философа изумило сопряжение плотского и святого в этой традиции: то, что «неприлично» – сфера половой жизни и половых органов, то, что «будучи “верхом неприличия” в названии, никогда вслух не произносилось – в то же время “свято”»³. «Но хотя мы и стыдимся своей плотности, однако через нее ощущаем свою телесность», – писал С.Н. Булгаков, вступая в заочный диалог с В.В. Розановым. Разделение понятий «тело» и «плоть» традиционно для христианства. Для В. Соловьева тело есть «храм духа», а плоть царства Божия не наследует. С.Н. Булгаков по этому поводу замечает, что телесность без стыда воспринимается в великих произведениях искусства: «Чувство стыда своего тела, некоторого своего безобразия... есть одно из самых глубоких и мистических самоощущений»⁴. Это чувство – проявление тоски людей по своим эдемским телам. Отсюда и магическая власть красоты над человеком. Элементы ветхозаветного отношения можно найти и у С. Булгакова: он интерпретирует особую чувствительность, завуалированность, стыдливость половой стороны жизни как «выражение нарочитой священности, особой нежности этой стороны жизни, и именно поэтому она поражена грехом наиболее ощутительно»⁵.

¹ Федоров Н.Ф. Философия общего дела. <Отрывки> // Русский космизм: антология философской мысли. – М., 1993. С.235.

² Розанов В.В. Уединенное. – М., 1991. С.52.

³ Там же. С.28.

⁴ Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М., 1994. С.232.

⁵ Там же. С. 233.

В работах Н. Бердяева, как и его предшественников, анализируется связь стыда и пола. Он писал: «В поле человек чувствует что-то стыдное и унижающее человеческое достоинство. Человек всегда тут что-то скрывает»¹. Подобно Н.Федорову, Бердяев указывает, что жизнь пола – родовая, а значит, безличная, и в сексуальном акте нет ничего индивидуального, личного: «В жизни пола есть безжалостность в отношении к человеку, есть согласие отказаться от чисто человеческого»². Половая сфера – не человеческая. Сексу противостоит любовь, в любви любимый – «лицо», индивидуальность. Отношения между любящими глубоко интимны, а потому любовь всегда нелегальна, ее легальность означала бы вмешательство в дела двоих третьего – государства, что и проявляется в институте брака: «В институте брака есть бесстыдство обнаружения для общества того, что должно быть сокрыто, охранено от посторонних взоров»³. Пол парадоксален: то, что является источником жизни и самым большим напряжением жизни, считается стыдным. За этой парадоксальностью стоит особенная связь пола с падением человека, с утратой целостности человеческой природы. «В своем раздвоении, разорванности и развратности человек замыкается в своем «я», теряет способность к соединению с другим»⁴.

Философия Н. Бердяева находится на пересечении русской и западной религиозной традиции. По его мнению, христианство неполно, так как в нем не хватает собственной антропологии, изначально христианство смешалось с языческой антропологией, не знающей Бога: «Человеческая стихия не обожилась и поэтому осталась приниженной перед Божеством, и бесстыдной, полной самомнения в своем самоутверждении»⁵. Принижение характерно для православия, бесстыдство – для католицизма. Бердяев рассматривает человеческую историю как становление богочеловечества. В свободе – как тайна греха, так и тайна спасения: если есть свобода, значит, есть и ответственность, и осознание виновности в собственной судьбе.

Традиционно в христианстве стыд неотделим от совести. «Стыд – нутряная исповедь перед совестью»⁶. Совесть – само-суд, «ибо для чего моей свободе быть судимой чужой совестью?» (1 Кор 10:29). Во время исповеди необходимо не только признание собственного греха, но и внутреннее раскаяние исповедующегося, т.е. судится не только поступок, но и намерение. Именно в результате такого понимания греха стыд преодолевается совестью. Совесть не утаивает, в отличие от стыда: «стыдно сказать, а грех утаить». Голос совести – это признак присутствия божественного в человеке: «В совести своей... столь загадочно свободной от естественного человеческого себялюбия, человек ощущает, что нечто со-весть, соведает вместе с ним его дела, творит суд свой, всегда его видит»⁷. Совесть как «Божья сила» и глубочайшая

¹ Бердяев Н.А. Самопознание. М.: АСТ, 2003. С.449.

² Там же. С.451.

³ Там же. С.452.

⁴ Там же. С.453.

⁵ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С.179.

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4.С.347.

⁷ Булгаков С.Н. Указ.соч. С.45.

сущность человека раскрывается в полной мере лишь в христианстве, где она трактуется как показатель нравственной обязанности («дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их» – Рим 2:15), в первую очередь перед Богом. По Соловьеву, нравственная самооценка имеет простую форму конкретного ощущения, а в отношениях с людьми и с Богом самооценка «неизбежно проходит чрез среду отвлеченного сознания, откуда и выходит в новой форме – форме совести»¹. Но внутренняя сущность обоих явлений одна и та же: «стыд и совесть говорят разным языком и по разным поводам, но смысл того, что они говорят, один и тот же: это не добро, это недолжно, это недостойно»². Таким образом, с религиозной точки зрения, чувства стыда и совести определяются борением человека с искушениями его низшей природы, с очищением, с устремленностью человека к высшему совершенству – Богу.

ФЕНОМЕН «НЕОФИТСТВА» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Вовк С., студентка VI курса, з/о, НИУ «БелГУ», г. Белгород

Конец XX – начало XXI вв. – это время, характерное тем, что общество по новому осмысливает религиозные ценности, в особенности Православную веру. В современном мире существуют категории людей, которых условно можно разделить на сомневающих, новообращенных и воцерковленных православных христиан.

Действительно сегодня, обращение к Церкви осуществляется на разных уровнях: через храм, через разные церковные структуры, через духовенство. Очевидно, что после многих десятилетий безбожного воспитания, народ всеравно тянется к Богу и Церкви. По данным Министерства Юстиции в 1991 году в стране было зарегистрировано 3451 Православный приход, в 2010 году 12941. За девять лет количество приходов увеличилось почти на девять тысяч, что говорит о высоком авторитете Русской Православной Церкви. Святейший Патриарх Кирилл в одном из своих интервью по этому поводу высказался так: «Сегодня часто публикуются социологические опросы о количестве верующих. Называются разные цифры, сколько на самом деле православных, сколько воцерковленных и так далее. Мы знаем главное: людей, которые слышат или хотят слышать пастырское слово Церкви, в России и других странах Святой Руси – большинство. И ни один из вновь открытых нами храмов не остается пустым. Это, если хотите, тоже социологический факт. А также социологическая закономерность: количество верующих растет в соответствии с количеством храмов». Как следствие такой приток людей в храм в наше постперестроечное время породил феномен неопитства в Православии.

¹ Соловьев В.С. Указ соч. С.132-133.

² Там же. С. 133.